

Казеева Елена Александровна

ОБРАЗ КЛАССИЧЕСКОЙ ГИМНАЗИИ НА СТРАНИЦАХ РУКОПИСНОГО ЖУРНАЛА "ШКОЛЬНЫЕ ДОСУГИ"

В статье рассматриваются размещенные в рукописном журнале "Школьные досуги" (1902-1903) художественные и публицистические тексты А. И. Тинякова (Одинокого) и Е. А. Преображенского, в которых воссоздается образ классической гимназии начала XX столетия. На конкретных примерах показывается, что гимназическое образование на рубеже XIX-XX веков нуждалось в серьезном реформировании, поскольку уже не соответствовало уровню развития страны. Установлено, что образ гимназии на страницах журнала "Школьные досуги" и в работах, основанных на архивных разысканиях, посвященных изучению Орловской мужской гимназии рубежа XIX-XX веков, различны: если в первом случае она предстает символом косности и формализма, то во втором случае она, напротив, выступает учебным заведением с продуманной системой образования.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/9-1/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 9(75): в 2-х ч. Ч. 1. С. 48-52. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

искушенного. Об этом стихотворения «Мужчины» [1, с. 82], «В краю похмелья» [Там же, с. 29], «Мир, охваченный поцелуями» [Там же, с. 81], «Шутка» [Там же, с. 79], «Мы еще живы» [Там же, с. 70] и некоторые другие, вошедшие в его последующие сборники. Но только искушенность здесь явно надуманная, поскольку внутренний мир во всех упомянутых случаях ускользает. С годами становится очевидным, что глубокую исповедальность, изначально определившую его поэтическую интонацию, А. Браев предпочтет оставить в прошлом.

Не существует каких-либо универсальных схем, по которым можно было бы предугадать логику становления художника. У каждого свой сценарий творческой судьбы. Можно лишь сказать, что уже в самом начале А. Браев сумел запечатлеть то, что составило удивительную проекцию его души. Какую драму скрывали ломаные переходы, изменившие в дальнейшем тональность его голоса, нам уже не узнать. И вряд ли сам писатель хотел бы, чтобы об этом знали. Ни в творчестве, ни в жизни он не был декларативен.

Список источников

1. Браев А. Г. Душой и сердцем. Избранное: стихи, рассказы, повесть / на каб. яз. Нальчик, 2000. 261 с.
2. Браев А. Г. Неожиданная встреча. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1964. 44 с.
3. Браев А. Г. Свет в окне / на каб. яз. Нальчик, 1963. 90 с.
4. Голос горной реки. М.: Молодая гвардия, 1957. 71 с.
5. Кабарда. Литературно-художественный альманах. 1955. № 8. 201 с.
6. Кажарова И. А. Кабардинская поэзия XX века: актуализация идеала. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2014. 176 с.
7. Молодые голоса. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1957. 127 с.
8. Очерки истории кабардинской литературы. Нальчик: Эльбрус, 1968. 301 с.

ADALBI BRAEV'S POETRY: HERO'S PORTRAIT AGAINST THE BACKGROUND OF AN EPOCH

Kazharova Inna Anatol'evna, Ph. D. in Philology

*Institute for the Humanities Research of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik
barsello@rambler.ru*

The article by the material of A. Braev's early works examines the peculiarities of personage's self-presentation which allow evaluating the level of correspondence with the prevailing in post-war poetry canons of personality depiction or the level of divergence from them. The peculiarities of his hero are concretized in much detail in the ethical and esthetical context of post-war poetry, in the aspect of inevitable gaps in self-consciousness of different generations and in the light of biographical moments which influenced poet's worldview and his individual style.

Key words and phrases: A. Braev; Adyghe poetry; post-war period; hero; pathos; image.

УДК 82-3

В статье рассматриваются размещенные в рукописном журнале «Школьные досуги» (1902-1903) художественные и публицистические тексты А. И. Тинякова (Одинокого) и Е. А. Преображенского, в которых воссоздается образ классической гимназии начала XX столетия. На конкретных примерах показывается, что гимназическое образование на рубеже XIX-XX веков нуждалось в серьезном реформировании, поскольку уже не соответствовало уровню развития страны. Установлено, что образ гимназии на страницах журнала «Школьные досуги» и в работах, основанных на архивных разысканиях, посвященных изучению Орловской мужской гимназии рубежа XIX-XX веков, различается: если в первом случае она предстает символом косности и формализма, то во втором случае она, напротив, выступает учебным заведением с продуманной системой образования.

Ключевые слова и фразы: гимназия; образ; журнал «Школьные досуги»; А. И. Тиняков (Одинокий); Е. А. Преображенский; реформа; образование; статья.

Казеева Елена Александровна, к. филол. н., доцент

*Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, г. Саранск
kazeeva-ea@yandex.ru*

ОБРАЗ КЛАССИЧЕСКОЙ ГИМНАЗИИ НА СТРАНИЦАХ РУКОПИСНОГО ЖУРНАЛА «ШКОЛЬНЫЕ ДОСУГИ»

Классические гимназии, возникшие в России в XVIII столетии, постепенно становятся основной формой получения среднего образования. Их главной задачей, по справедливому замечанию В. Ф. Чертова, является «приготовление учащихся к университету и преподавание основ наук, необходимых для благовоспитанного человека» [14, с. 26]. Тем не менее в конце XIX века гимназическое образование уже не соответствовало уровню развития страны. Поэтому центральным вопросом, волновавшим в этот период отечественную интеллигенцию, становится вопрос о проведении школьной реформы. Готовящаяся министрами народного

просвещения Н. П. Боголеповым и П. С. Ванновским [6], но так и не состоявшаяся реформа отечественной гимназии вызвала широкий общественный резонанс. Ее основные положения в свое время обсуждались не только людьми, профессионально занимающимися проблемами образования, но и писателями. Неслучайно образ классической гимназии, как правило, сниженный, появляется на страницах произведений А. П. Чехова, Д. С. Мережковского, Ф. К. Сологуба, Н. Г. Гарина-Михайловского, В. Миклулич, Я. Н. Яроша. Примечательно, что и сами учащиеся не остались в стороне от обсуждения столь важного для них вопроса. В связи с этим особый интерес представляет рукописный журнал «Школьные досуги», выпускаемый воспитанниками Орловской губернской мужской гимназии с августа 1902 по март 1903 года.

Отметим, что Орловская губернская мужская гимназия занимала важное место в системе среднего образования Орловской губернии. Это семиклассное с восьмилетним курсом обучения учебное заведение давало своим питомцам глубокие знания, о чем свидетельствуют архивные разыскания современных исследователей. Так, В. Я. Воробьева отмечает, что учебный процесс в гимназии «отличался основательностью и разносторонностью» [2, с. 88]. В ее статье приводится подробный перечень предметов и количество часов, отведенных на их изучение; характеризуется материально-техническая база гимназии; описан состав трех гимназических библиотек. В работе А. А. Ветошко [1] содержится описание документов Орловской гимназии, входящих в фонд № 64 Государственного архива Орловской области. Интересным является материал о получивших впоследствии известность учениках гимназии – премьер-министре П. А. Столыпине, астрономе П. К. Штернберге, авторе «Азбуки коммунизма» Е. А. Преображенском, писателях Н. С. Лескове и Л. Н. Андрееве и многих других. Различные аспекты деятельности преподавателей и учащихся, правила внутреннего распорядка этого учебного заведения рассматриваются в статье О. М. Трохиной [13].

В нашей работе предпринята попытка охарактеризовать образ классической гимназии в журнале «Школьные досуги», что объясняется несколькими причинами. Во-первых, позволяет проанализировать помещенные в это периодическое издание художественные и публицистические материалы и ввести их в научный оборот. Во-вторых, рассмотреть связь интересующих нас работ со школьной реформой рубежа веков. И, наконец, обратиться к анализу юношеских литературных опытов А. И. Тинякова – поэта, прозаика, журналиста и литературного критика начала XX столетия. Несмотря на то, что отдельные аспекты интересующей нас проблемы рассматривались в ряде статей [3-5], целостного анализа образа классической гимназии в журнале «Школьные досуги» до сих пор не представлено.

На страницах рукописного журнала «Школьные досуги» присутствуют две группы текстов, воссоздающих образ классической гимназии: художественные и публицистические. Остановимся на характеристике каждой из них более подробно. К первой группе относятся рассказы А. И. Тинякова (Одинокого) – «Дневник гимназиста», «Дневник бывшего гимназиста», «Вьюга». В «Дневнике гимназиста» образ гимназии показан через восприятие одного из неуспевающих учеников, уже дважды оставшегося на второй год. В рассказе безымянный герой должен выдержать переэкзаменовку, готовится к которой он отправляется в отцовскую деревню. Однако, так и не сумев сдать экзамены по классическим языкам, герой вынужден покинуть гимназию. Для воссоздания колорита школьной жизни в рассказе активно используется гимназический жаргон: «Сегодня меня вызывал Александр Никанорыч по латыни “поправляться”, и я опять получил пару» [9, с. 4]. Автор часто упоминает о дисциплинах, составлявших обязательную принадлежность гимназического образования, – древнегреческом и латинском языках. В тексте неоднократно подчеркивается, что эти предметы сложны и непонятны для обычного ученика, то есть гимназия, по мысли автора, дает своим питомцам знания, далекие от потребностей реальной жизни. Тем не менее герой рассказа рассматривает грозящее ему исключение как тяжелый удар: «На третий год в том же классе не оставляют, и я должен буду уехать на целую жизнь в деревню, где наступит для меня полнейшая нравственная смерть» [Там же]. Очевидно здесь упоминание о правилах гимназического распорядка, а также указание на то, что только гимназия давала возможность поступления в университет, то есть в конечном итоге определяла будущее молодого человека. Примечательно подробное описание подготовки гимназиста к переэкзаменовке. Перечисляются имена античных авторов, отрывки из произведений которых он должен заучивать наизусть. Особенно ненавистны герою тексты Ксенофонта и необходимая для их освоения «Греческая грамматика» (1887-1900) Э. В. Черного: «Сидишь у окна: в окно видно небо голубое, ветки зеленые, цветы душистые, доносятся хвалебные голоса птичек, а на столе лежит раскрытый Ксенофонт и грамматика Черного, и я должен смотреть не в зеленую чашу и светлое небо, а в скучную книгу. И греческие буквы прыгают у меня в глазах, аорист мешается с Киром, а презенс с веткой каштана, протянувшего мне в окно свой узорчатый лист...» [Там же, с. 4-5]. Смещение совершенных созданий природы и давно забытых текстов наиболее ярко показывает контраст живого и мертвого начал в жизни героя. Причем освоение древнегреческой словесности в сознании героя тесно связано с зубрежкой: изучаемые предметы сложны для понимания, для их освоения обязательно требуется репетитор, которого отец гимназиста никак не хочет взять. Шедевры античной литературы, включенные в учебный план гимназии, вызывают у героя рассказа лишь отвращение, о котором неоднократно иронически упоминается: «Овидия я уже вызубрил и взялся за пресловутого Цезаря. <...> Ксенофонта я кончил и принялся за Гомера» [Там же, с. 5]. И далее: «Но что же я? Ведь предо мною лежит раскрытый «великий старец», а я и не чувствую его тени “смущенной душой”» [Там же, с. 6]. В тексте не раз говорится о высокой требовательности преподавателей, герой часто упоминает о своем страхе перед экзаменом: «А страшный день близится, надвигается на меня, принимает чудовищные образы, так насмешливо улыбается и так язвительно смеется...» [Там же, с. 7]. Неудачная переэкзаменовка в финале рассказа рассматривается героем как

финал его жизни, крушение надежд, неслучайно он принимает решение покончить с собой. Тем не менее в конце произведения образ гимназии в сознании героя обретает положительные свойства: «Ведь у меня, когда <были> хорошие стремления, я читал умные книжки и горячо спорил с образованными людьми» [Там же, с. 9]. Эта мысль становится ключевой и в рассказе «Дневник бывшего гимназиста» [8]. Герой, уехавший после исключения в отцовскую деревню, вынужден заниматься ненавистным ему сельским трудом. Теперь гимназия и все, что с ней связано, в его сознании становятся олицетворением культуры, цивилизации. Юноша с большим трудом откладывает деньги для того, чтобы выписать журнал «Русское богатство», перечитывает свои старые книги, особенно сочинения Н. А. Некрасова, занимается почти забытым французским языком.

Образ гимназии присутствует и в рассказе Одинокого «Вьюга». Его герой Борис Алексеевич Смуринов перед самоубийством, слушая завывания вьюги, вспоминает свою прошедшую жизнь, представляющуюся ему в виде бесконечной дороги. Одним из ее этапов стало обучение в гимназии, которое характеризуется емкой фразой: «на него пахло духом мертвечины и разложения» [7, с. 8]. В рассказе вновь показывается процесс обучения, далекий от потребностей обычной жизни; говорится о педагогах, являющихся не наставниками своих питомцев, а скорее чиновниками, находящимися на службе. Герой вспоминает строгий гимназический распорядок: перед его глазами встают придирчивые надзиратели, жестоко наказывающие за малейшие провинности. Даже нечастые развлечения, как помнится Смуринову, не приносили радости. Борис Алексеевич вспоминает, что на гимназических балах было весело лишь пьяным, что свидетельствует о том, что жесткие казенные порядки постоянно нарушались воспитанниками. Примечателен вывод автора о школьных годах героя: «Целых девять лет провел он среди гимназических стен и ни одного отрадного, светлого мига не удалось испытать ему там» [Там же]. Таким образом, анализ художественных текстов, вошедших в состав журнала, позволяет нам сделать следующие выводы. Во-первых, все произведения принадлежат одному автору – Одинокому. Во-вторых, в них отсутствуют описания самой гимназии, а впечатления о ней передаются через восприятие героя – либо теперешнего гимназиста, либо взрослого человека. В-третьих, гимназия показана как явление, далекое от реальной жизни, неоднократно подчеркивается ее сухая, мертвенная атмосфера: в ней не прививается любовь к наукам, царит зубрежка. Тем не менее гимназия для автора – необходимая ступень для дальнейшей карьеры, а в редких случаях – некий очаг культуры.

Образ классической гимназии воссоздается и в ряде публицистических текстов – «О реформе средней школы» Одинокого; «Несколько слов о чтении книг» и «Несколько слов о совместном воспитании» Е. А. Преображенского. Обстоятельная работа Одинокого навеяна реформой школьного образования рубежа веков. Образ гимназии в ней предстает в двойном ракурсе: первый воплощает надежды учащихся, мечтавших в новом учебном году заниматься по преобразованным программам, с учетом новейших методик обучения, желавших отказаться от заучивания наизусть сведений, далеких от реальной жизни, получить хорошую подготовку к университету. Автор статьи и его товарищи рассчитывали, что «школа будет для них не печальной и скучной необходимостью, а опытной и сердечной руководительницей» [10, с. 67]. Второй ракурс – это реальная гимназия, увиденная глазами Одинокого: «Школа встретила нас затхлая, скучная и бессердечная, как и прежде» [Там же, с. 67-68]. Обобщенная характеристика педагогов, представленная в этой статье, практически совпадает с описанием их в рассказе «Вьюга»: «Также черствые, усталые, потерявшие веру и охоту к жизни педагоги задают нам “отселева доселева”» [Там же, с. 68]. В статье говорится о системе наказаний в гимназии: учащиеся остаются без обеда за длинные волосы и шумное поведение на перемене; строго запрещается посещение театра без разрешения начальства, появление на улице после семи часов вечера. Единственное нововведение, замеченное Одиноким, – это данное гимназистам разрешение не носить ранцы. С сокрушением автор статьи замечает о провале реформы, поскольку «классическая школа, которую так пышно и долго хоронила русская пресса, опять живет и торжествует, несмотря на очевидную свою нелепость, непригодность и приносимый ею вред» [Там же, с. 68-69]. Интересно, что автор предпринимает попытку объяснить негативные последствия гимназического образования. Дети растрачивают свои способности на получение ненужных для жизни знаний: например, заучивая фрагменты из непонятного гимназисту «Моления Даниила Заточника», ребенок утрачивает интерес к литературе. Кроме того, по мнению Одинокого, гимназия препятствует развитию личности ребенка. Преподаватели, будучи в первую очередь чиновниками, не заботятся об индивидуальном подходе к каждому ученику: «Сухое, формальное отношение преподавателей и начальства, нежелание заглянуть в известной степени в душу и семейную жизнь ребенка <...>, упорное непризнание индивидуальности в ребенке и стремление подвести всех под один уровень, выгодный для начальства, окончательно озлобляет способного и развитого ребенка и окончательно атрофирует личность в более слабом и неразвитом» [Там же, с. 70]. Равнодушие гимназического начальства к своим питомцам проявляется и в его нежелании общаться с учениками «живым человеческим языком», который подменяется либо грубыми окриками, либо заученными педагогическими сентенциями. В речах учителей, по мнению Одинокого, отсутствуют интерес, увлеченность, сердечность, что негативным образом сказывается на душевном развитии гимназистов. Все вышесказанное позволяет автору статьи дать негативную оценку современному ему гимназическому образованию, главные особенности которого – непригодность, уродливость и нелепость; оно «должно бы было быть немедленно и окончательно упразднено и окончательно отойти в область предания» [Там же, с. 71]. Одинокий, опираясь на документ «Статистические сведения о самоубийствах среди детей», считает, что современная гимназия представляет собой опасность для общества, поскольку губит не только душу, но и тело своих воспитанников. Несомненно, автор статьи преувеличивает, но в то же время добивается своей цели – показать незыблемость давно устаревшей

классической гимназии. Для этого *Одинокий* прибегает к аналогии: школа сравнивается со стеной в одноименном рассказе Л. Н. Андреева, являющейся препятствием на пути к совершенной и счастливой жизни. Герои рассказа в страшных муках стремятся сломать ограничивающую их свободу стену. Но как только стена начинает шататься, они оставляют свои попытки. С такой стеной сопоставляется гимназия: «Неужели и мы оставим свои усилия опрокинуть классическую школу тогда, когда она начала было падать?» [Там же, с. 73].

Е. А. Преображенский не ставил перед собой задачу воссоздать подробный образ гимназии, однако в его статьях он присутствует на уровне отдельных деталей. Так, в работе «Несколько слов о чтении книг», излагающей авторскую методику, упоминается гимназия, которая не прививает учащимся навыков систематического чтения. Неверная «постановка школьного дела» [12, с. 74], приводящая к тому, что программа обучения составляется без учета интереса учеников, в конечном итоге не дает гимназисту возможности обнаружить свои способности к тем или иным предметам. Именно поэтому, по мнению Е. А. Преображенского, «домашнее чтение есть единственный способ для юноши к собственному развитию, и в нем одном он может узнать свои настоящие склонности к какой-нибудь науке» [Там же]. Давая советы о наилучшей организации чтения классической литературы, автор статьи подвергает критике гимназический учебник «История русской словесности» А. Д. Галахова (1863-1875), который «никуда не годится в смысле критического руководства. Он не имеет объединяющей идеи, а содержит только пересказы произведений писателей» [Там же, с. 84]. В статье «Несколько слов о совместном воспитании», представив историю вопроса, проанализировав понятие «совместное воспитание», его важность для отечественной системы образования, автор повествует о нравах, царящих в закрытых учебных заведениях: «Замкнутые в четырех стенах, не видя подолгу мужского общества, эти девушки смотрят на мужчину как на предмет самых необузданных мечтаний, зажигающих ничем не сдерживаемое, пылкое воображение» [11, с. 56]. Напротив, отношения между питомцами женских и мужских гимназий являются, по мнению автора, более прогрессивными: «Потому что между воспитанниками и воспитанницами этих учебных заведений есть многие точки соприкосновения» [Там же]. Здесь, как видим, Е. А. Преображенский отмечает в деятельности гимназии положительные моменты. После рассмотрения публицистических работ можно сделать вывод, что их авторы показывают гимназию как далекое от жизни учебное заведение, дающее ненужные обычному человеку знания. В ней царят строгость, формализм, отсутствие индивидуального подхода в преподавании, не учитываются интересы учащихся, отсутствуют подходящие учебные пособия. Несмотря на то, что гимназия, по мнению авторов журнала, убивает интерес к наукам, она незыблема, хотя все понимают необходимость проведения школьной реформы. Это мнение не могут поколебать даже отдельные положительные детали. Так, образ классической гимназии в художественных и публицистических текстах «Школьных досугов» практически совпадает.

В заключение отметим необычное противоречие между образом гимназии на страницах журнала «Школьные досуги» и в научных работах, посвященных изучению Орловской мужской гимназии конца XIX – начала XX века. Если на страницах журнала она предстает как символ косности, формализма, зубрежки, то в работах, основанных на архивных разысканиях, показана как учебное заведение с продуманной системой образования, подготовившей множество выдающихся выпускников. Примечательно, что авторы рассмотренных нами материалов А. И. Тиняков и Е. А. Преображенский далеко не ограниченные, а, напротив, талантливые ученики, впоследствии прославившиеся, так или иначе, на избранном ими поприще. Можно предположить, что материалы журнала отражали мнение неординарных людей, для которых гимназическое образование было уже недостаточным.

Список источников

1. **Ветошко А. А.** Опись документов фонда Первой Орловской мужской гимназии – ключ к информации о выдающихся ее учениках // Музей образования: от классической гимназии к классическому университету: сборник материалов науч.-практ. конф. Орел, 2008. С. 51-57.
2. **Воробьева В. Я.** Роль Орловской гимназии начала XX века в образовании и воспитании юношества // Первые Денисьевские чтения: материалы науч.-практ. конф. Орел: Орлик, 2004. С. 88-95.
3. **Еремин А. И.** Мировосприятие провинциальных гимназистов в начале XX в. (по материалам рукописного журнала «Школьные досуги») // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Исторические науки. История России. 2013. № 10 (111). С. 18-42.
4. **Жукова Ю. В.** Чтение орловских гимназистов // От качественного чтения к качественному образованию: сборник материалов межведомств. науч.-практ. конф. Орел, 2010. С. 22-26.
5. **Казеева Е. А.** Е. А. Преображенский о некоторых проблемах организации чтения различной литературы гимназистами в рукописном журнале «Школьные досуги»: к истории педагогической мысли в России // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2017. № 2 (6). С. 40-42.
6. **Казеева Е. А.** Проблемы образования и воспитания в восприятии орловских гимназистов (на материале рукописного журнала «Школьные досуги») // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве: сборник научных трудов. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2013. Вып. 3 (9). С. 93-99.
7. **Одинокий.** Вьюга // Школьные досуги. 1902. № 6. С. 5-13 // Орловский объединенный государственный литературный музей И. С. Тургенева (ОГЛМТ). 10677/490 оф. РК. 1521.
8. **Одинокий.** Дневник бывшего гимназиста // Школьные досуги. 1902. № 4. С. 4-8 // ОГЛМТ. 10677/490 оф. РК. 1521.
9. **Одинокий.** Дневник гимназиста // Школьные досуги. 1902. № 3. С. 4-9 // ОГЛМТ. 10677/490 оф. РК. 1521.
10. **Одинокий.** О реформе средней школы // Школьные досуги. 1903. № 8. С. 67-73 // ОГЛМТ. 10677/490 оф. РК. 1521.
11. **П.** Несколько слов о совместном воспитании // Школьные досуги. 1903. № 7. С. 53-59 // ОГЛМТ. 10677/490 оф. РК. 1521.

12. П. Несколько слов о чтении книг // Школьные досуги. 1903. № 8. С. 74-85 // ОГЛИМТ. 10677/490 оф. РК. 1521.
 13. Трохина О. М. Гимназии Орловской губернии (XIX – начало XX вв.) // Прошлое глазами историков: К 230-летию Орловской губернии: материалы науч.-практ. конф. Орел, 2009. С. 55-64.
 14. Чертов В. Ф. Русская словесность в дореволюционной школе. М.: МПГУ им. В. И. Ленина, 1994. 130 с.

CLASSICAL GYMNASIUM IMAGE ON THE PAGES OF THE HANDWRITTEN JOURNAL “SHKOLNYE DOSUGI”

Kazeeva Elena Aleksandrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Ogarev Mordovia State University, Saransk
kazeeva-ea@yandex.ru

The article examines published in the handwritten journal “Shkolnye Dosugi” (1902 – 1903) literary and publicistic texts by A. I. Tinyakov (The Lonely) and E. A. Preobrazhenskiy reconstructing the image of classical gymnasium of the beginning of the XX century. By the concrete examples the paper shows that gymnasium education at the turn of the XIX-XX centuries required cardinal reformation since it didn't satisfy the level of country's development. It is shown that gymnasium image on the pages of “Shkolnye Dosugi” journal differs from that which has been adopted in the scientific works based on archival researches devoted to studying Orel male gymnasium at the turn of the XIX-XX centuries: if in the first case it appears to be a symbol of stagnation and formalism, then in the second case, on the contrary, it comes out to be an educational institution with a considered education system.

Key words and phrases: gymnasium; image; “Shkolnye Dosugi” journal; A. I. Tinyakov (The Lonely); E. A. Preobrazhenskiy; reform; education; article.

УДК 821.161.1

Садово-парковый топос является одним из самых распространенных в лирике Н. Н. Тuroверова и наполнен как традиционными, так и автобиографическими образами. Транслируя евангельские смыслы, выражая мечты лирического героя о покое души и гармонии природы, являясь метафорой человеческой жизни, сад становится важным пространством художественного мира поэта. Автор анализирует составляющие садово-паркового топоса (образы, мотивы), характерные для лирики Н. Н. Тuroверова и отражающие специфику его художественного сознания.

Ключевые слова и фразы: Н. Н. Тuroверов; садово-парковый топос; сад; поэтика; семиотика; лирический герой; эмиграция; литература русского зарубежья; донское казачество.

Кротова Анна Андреевна
Московский педагогический государственный университет
phaelivrin@mail.ru

САДОВО-ПАРКОВЫЙ ТОПОС В ЛИРИКЕ Н. Н. ТУРОВЕРОВА

Изучению садово-паркового топоса русской литературы посвящено много исследований¹. Термин «топос» в современном литературоведении неоднозначен; в нашей статье используется следующая дефиниция: «значимое для художественного текста (или группы художественных текстов – направления, эпохи, национальной литературы в целом) “место разворачивания смыслов”, которое может коррелировать с каким-либо фрагментом (или фрагментами) реального пространства, как правило, открытым» [7, с. 89].

Садово-парковый топос характерен для русской литературы в целом и частотен в лирике поэтов русского зарубежья первой волны. Пространство сада становится неотъемлемой частью художественного мира М. И. Цветаевой, И. А. Бунина, Ю. К. Балтрушайтиса, Ю. К. Терапиано и других поэтов. Обратимся к истории развития представлений о саде в культуре и науке.

Д. С. Лихачёв так определял основной компонент семантики сада: «Сад – попытка создания идеальных взаимоотношений с природой. Поэтому сад представляется как в христианском мире, так и в мусульманском раем на земле, Эдемом» [3, с. 11]. Сад – это часть природы, которую человек воссоздаёт искусственно рядом с домом в сознательной или бессознательной попытке возвести некий идеальный микромир, подобный небесному Эдему, мир, в котором всё подчинено законам гармонии. Современный голландский русист Й. Ван Баак отмечает: «Moreover, there is another old element here that is closely related to the House Myth – the garden <...> Like the concept of the house, the garden also lies at the foundation of human culture <...> harmony between nature and man <...> The concept of a garden implies a man-made space and order» [15, p. 174] / «Более того, есть другой элемент, который тесно связан с мифологемой Дома – сад... Как и понятие дома, концепт сада лежит в самом основании человеческой культуры... выражает гармонию между природой и человеком... Концепт сада воплощает созданный руками человека микрокосмос» (*перевод автора статьи – К. А.*)

¹ См., например, работы К. И. Шарафадиной, Е. В. Сахаровой, Е. Е. Дмитриевой и др.